

РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ВЫБОР МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

А. Г. АННИН,

заведующий кафедрой государственного и муниципального
управления Владимирского филиала РАНХиГС,

д.и.н., доцент

(г. Владимир, Россия)

Февральская революция сокрушила одно из главных оснований российской цивилизации – ее государственность, сложившуюся в специфических природных, исторических и культурных условиях России. Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам. Французский историк М. Ферро, ссылаясь на признания А. Ф. Керенского, отмечает это уничтожение российской государственности как одно из важнейших явлений февральской революции.

Напротив, рабочие организации, тесно связанные с Советами, стремились укрепить государственные начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Меньшевик И. Церетели писал тогда об особом «государственном инстинкте» русских рабочих и их «тяге к организации». При этом организационная деятельность рабочих комитетов и Советов определенно создавала модель государственности, альтернативную той, что пыталось строить Временное правительство.

Российский историк Д. О. Чураков подчеркнул не только социальный, но и специфический национальный характер революции. Но это национальное содержание революции 1917 г. резко контрастировало с приходом на первые роли в обществе либералов-западников... И не случайно эта новая власть встречала тем большее сопротивление, чем активнее она пыталась переименовать «под себя» традиционное российское общество.

Конечно, делая здесь упор на цивилизационном характере революции в России, мы ни в коем случае не должны забывать назревшего в обществе социального («классового») конфликта – конфликта, связанного с происходившей в России борьбой

экономических формаций. Вторжение капитализма подорвало старое сословное общество и его государственность. Пафос этого наступления был воплощен в революции в идеологии широкого партийного спектра. Те силы, которые не принимали капитализма, но чувствовали необходимость модернизации, шли за большевиками. Выход из исторического тупика, в который зашла Россия в формационном конфликте начала XX века, эти силы видели в установлении социалистического советского строя – новой, но не капиталистической формации.

Профессор Л. А. Гриффен пишет: «Каждый раз становление новой общественно-экономической формации сопровождалось также образованием новой «цивилизации», т.е. «общественно-экономическая формация» К. Маркса и «цивилизация» А. Тойнби представляют собой различные стороны одного и того же социального организма, рассматриваемого преимущественно в первом случае в общественно-экономическом, а во втором в политико-культурологическом аспектах». Таким образом, советский строй возникал как новая общественно-экономическая формация и в то же время приобретал важные новые цивилизационные черты по сравнению с дореволюционной Россией.

Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности – буржуазная республика и Советская власть. Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. То есть их «конвергенция» в ходе государственного строительства были невозможны. Разными были фундаментальные, во многом неосознаваемые идеи, на которых происходит станов-

ление государства - прежде всего, представления о мире и человеке. Кстати сказать, поначалу особых идеологических различий между двумя типами власти и не было видно. Временное правительство не скупилось на «социалистическую» риторику.

Суть Октября как цивилизационного выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер правых эсеров В. М. Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М. И. Либера (Гольдман) видел корни стратегии В. И. Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники К. Каутского определили большевизм как «азиатизацию Европы». Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой Азии, в то время как и либералы-кадеты, и даже марксисты-меньшевики считали себя силой Европы. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой войну цивилизаций.

Предвосхищая взгляды евразийцев, Н. А. Бердяев неоднократно и в разных вариациях высказывал, с примесью страха и отвращения, такую мысль: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать. Он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма».

Еще более определенно оценили цивилизационный смысл Октябрьской революции западные традиционалисты. В. Шубарт в своей известной книге 1938 г. «Европа и душа Востока» счёл судьбоносным результатом войны 1914 года зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России...

Западнические иллюзии начали очень быстро линять после Февраля даже в столицах. «Февральская» демократия реально поставила людей перед выбором, и в обществе возник диалог. Он шел непрерывно и в разных формах.

В целом, за отведенный ему историей срок буржуазное государство кадетов и социалистов приобрести легитимности не смогло - фактически ни в какой крупной социальной группе России. Главные причины коренятся в сути самого проекта, а также в незрелости тех сил, что формировали Временное правительство. Из этого вытекали и внешние, политические причины. Вдохновители Февраля были западниками, их идеалом была буржуазная республика с опорой на гражданское общество и рыночную экономику - на то, чего в России не было.

Немецкий социолог, философ, экономист и

историк М. Вебер отмечал, что критерием господства «духа капитализма» является состояние умов рабочих, а не буржуа. В то время российские рабочие сохраняли мироощущение общинных крестьян - главного противника буржуазии в ходе буржуазных революций.

Не к гражданскому обществу свободных индивидов стремились люди после краха сословной монархии, а к христианской коммуне (обществу-семье). В столкновении этих двух разных образов будущего - то семья, из которого, к общему горю, выросла гражданская война.

Уже в феврале в России возникло два типа государства, каждый из которых представлял особый цивилизационный путь - буржуазно-либеральное Временное правительство и «самодержавно-народные» Советы. Поначалу они сотрудничали, хотя столкновения начались быстро. И кадеты, и правые либералы были едины в своей ориентации на Запад. Потом, к октябрю, Советы взяли верх, а структуры буржуазной государственности перебрались на периферию и стали готовиться к мятежу в союзе с интервентами с Запада.

Как «созревали» для войны оба типа государства? Историки (например, В. О. Ключевский) еще с 1905 г. предупреждали, что попытки сразу перейти от монархии к «партийно-политическому делению общества при народном представительстве» будут обречены на провал, но кадеты этого не поняли.

В августе 1917 г. М. В. Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас». Иными словами, буржуазная государственная надстройка, будь она принята обществом, стала бы его раскалывать по классовому принципу, как это и следует из теории гражданского общества.

В отличие от этой буржуазно-либеральной установки, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы не классово-партийные, а общинно-сословные, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского совета, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теория государственности крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов - недоразумением.

На уровне государства Советы были, конечно, новым типом, но на уровне самоуправления это был именно традиционный тип, характерный для аграрной цивилизации - тип военной, ремесленной

и крестьянской демократии доиндустриального общества. Либералы-западники видели в этом архаизацию, даже «азиатизацию» России, возрождение ее древних архетипов, лишь прикрытых позднефеодальными и буржуазными наслоениями.

В России Советы вырастали именно из крестьянских представлений об идеальной власти. Исследователь русского крестьянства А. В. Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

Поначалу обретение Советами власти происходило даже вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать советы альтернативной формой государства у создателей Петроградского совета не было. Их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии».

Говоря о становлении после февраля 1917 г. советской государственности, все внимание обычно сосредоточивают именно на Советах, даже больше того – на Советах рабочих и солдатских депутатов («совдепах»). Но верно понять природу Советов нельзя без рассмотрения их низовой основы, системы трудового самоуправления, которая сразу же стала складываться на промышленных предприятиях. Ее ячейкой был фабрично-заводской комитет (фабзавком).

В те годы фабзавкомы в промышленности западных стран вырастали из средневековых традиций цеховой организации ремесленников, как объединение индивидов в корпорации, вид ассоциаций гражданского общества. А в России фабзавкомы вырастали из традиций крестьянской общины.

Фабзавкомы, в организации которых большую роль сыграли Советы, быстро сами стали опорой Советов. Фабзавкомы финансировали деятельность Советов, обеспечили им массовую и прекрасно организованную социальную базу, организовали рабочую милицию и Красную гвардию. Именно там, где были наиболее прочны позиции фабзавкомов, возник лозунг «Вся власть Советам!». Ценностные ориентации фабзавкомов были определенно антибуржуазными, и именно их позиция способствовала завоеванию большевиками большинства в Советах.

Большевики были частью глубинного народного движения, помогая строить его культурную матрицу. Их противники и оппоненты, в том числе в марксизме, воспринимали глубинное движение как своего

врага, как бунт, как отрицание революции – как контрреволюцию. М. М. Пришвин записал в дневнике 21 сентября 1917 г.: «Этот русский бунт, не имея в сущности ничего общего с социал-демократией, носит все внешние черты ее и систему строительства». И чуть позже: «Просто сказать, что попали из огня да в полымя, от царско-церковного кулака к социалистическому, минувя свободу личности».

Таким образом, Октябрь открыл путь стихийному процессу продолжения российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю минуя государство либерально-буржуазного типа.

Противоречивость политики Временного правительства становилась вопиющей. Для возникновения гражданского общества требовалось сломать сословные барьеры и крестьянскую общину – но правительство, признав крах реформы П. А. Столыпина, не решалось на демократическую земельную реформу, тем более с ущемлением помещичьего землевладения.

Между Временным правительством и Советами быстро возник непримиримый конфликт относительно проблемы мира и войны.

Важно подчеркнуть, что война «белых» против Советского государства не имела целью реставрировать Российскую империю в виде монархии. Это была «война Февраля с Октябрем» – столкновение двух революционных проектов.

Развитие капитализма в России шло по совершенно иному пути, нежели на Западе. Оно уже и не могло в принципе повторить путь Запада, поскольку происходило при активном участии уже сложившегося зрелого западного капитализма. Это влияние заключалось, прежде всего, в том, что западный капитал вне своей «метрополии» везде насаждал формы периферийного капитализма. Иного и не могло быть.

Видный теоретик нынешней глобализации И. Валлерстайн пишет: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное «ядро» и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии». Становясь зоной «периферийного капитализма», Россия попала в историческую ловушку. В ней произошло то, что называют «секторным разрывом» – промышленность была анклавом западного капитализма, а крестьянство – его «внутренней колонией». Единое народное хозяйство, при котором промышленность вбирает рабочую силу из деревни, а взамен обеспечивает село машинами и удобрениями, оказалось разорванным.

Советское государство было проникнуто рели-

гиозным чувством - в этом была и его сила, и его слабость. Немецкий писатель Г. Бёлль приводит важную мысль из книги В. Шубарта «Европа и душа Востока» (1938): «Дефицит религиозности даже в религиозных системах — признак современной Европы. Религиозность в материалистической системе — признак советской России». Надо вдуматься в эту мысль, которую в разных формах высказывали многие мыслители Запада, современники русской революции: Запад безрелигиозен, Советская Россия — глубоко религиозна.

Н. А. Бердяев, отрицавший социализм, признавал: «Социалистическое государство не есть секу-

лярное государство, это - сакральное государство. Оно походит на авторитарное теократическое государство. Социализм исповедует мессианскую веру. Хранителями мессианской «идеи» пролетариата является особенная иерархия - коммунистическая партия, крайне централизованная и обладающая диктаторской властью».

Революционное движение русского рабочего и стоявшего за ним общинного крестьянина было «православной Реформацией» России. В нем был силен мотив жертвенности — предпосылка беззаветной гражданской войны.